

«Я должен был сделаться виновником всей революции»

“I was to be made responsible for the whole revolution”

Тамара ИСМАГУЛОВА / by Tamara ISMAGULOVA

«В это-то время пришел ко мне московский офицер, и я тем кортиком положил на нем начало. Успокоив его, сейчас же крикнул людям, чтобы последовали моему примеру и не жалели наших врагов.

...Мы уже начали революцию. И вот я поднял крик, чтобы люди слышали, и дал Бог, что как начал народ со всех сторон бить москалей, так тотчас и в набат ударили».

Записки баимачника Яна Киллинского
о варшавских событиях 1794 года и о своей неволе
(журнал «Русская старина», 1895)

На рисунке неизвестного художника «виновник революции» выглядит записным щеголем, а отнюдь не ремесленником, возглавившим восстание городских низов.

In this drawing by an unknown artist the “instigator of the revolution” looks like an inveterate dandy and not at all the craftsman who led a revolt of the city’s lower orders.

“At that very time a Muscovite officer came up to me and with the dagger I made a start with him. After quieting him, I immediately shouted out to the people that they should follow my example and not spare our enemies. ...

“We had already started the revolution. And I gave a shout so that people heard and God granted that as soon as the people began attacking the Muscovites all over, and immediately the tocsin was sounded.”

Memoirs of the shoemaker Jan Kilinski
about events in Warsaw in 1794 and his imprisonment
(published in the periodical Russkaya Starina in 1895)

«Уличные столкновения в Варшаве». С рисунка Жан-Пьера Норблина де ла Гурдена.

Street Skirmishes in Warsaw. From the drawing by Jean-Pierre Norblin de la Gourdain.

Давнишний спор

В июне 1831 года, во время подавления русскими войсками восстания в Польше, Александр Пушкин написал на злобу дня стихотворение «Клеветникам России», которое другой поэт, Петр Вяземский, презрительно назвал «шинельным» и пояснил, что имеет в виду: «Очень хорошо поступит господин, который велит высечь холопа своего, но нет здесь места для поэзии...»

Пушкин в своем стихотворении оказал полякам больше уважения, настаивая, что «это спор славян между собою», причем спор «давнишний». В одном эпизоде этого «спора» принял участие некий польский башмачник Ян Килинский, позднее приписавший себе роль «виновника», то есть зачинщика и предводителя революции.

Полководца Александра Суворова некоторые западные историки называли сумасшедшим убийцей. Особенно его упрекали в том, что он устроил «кровавую резню» в предместье Варшавы — Праге в 1794 году. Это был действительно второй (после Измаила) по числу жертв штурм в его жизни. Но почему-то обвинители генералиссимуса не принимают во внимание тот факт, что именно он приказал сжечь мост между Прагой и Варшавой, чтобы его разъяренные солдаты не ворвались в центр города.

Почему же солдаты русской армии были так ожесточены? Разгадка кроется в со-

бытиях, произошедших весной 1794 года. В польской столице тогда квартировал русский гарнизон под командованием генерала Игельстрема: Екатерина II хотела сохранить Польшу под властью Станислава-Августа Понятовского, чтобы Королевство Польское являлось буфером между Россией, Пруссией и Австрией.

Тем временем во Франции произошла революция. Короля казнили, страна жила в условиях якобинской диктатуры. В Польше было также неспокойно. Игельстром не без основания опасался волнений городских низов и развития событий по французскому сценарию.

Модный башмачник

«В 1780 году, — писал историк Сергей Соловьев, — приехал из Познани в Варшаву башмачник Ян Килинский. Молодой, ловкий, красивый красобай Килинский в короткое время приобрел большую известность у варшавских дам, сделался модным башмачником, купил два каменных дома, стал членом магистрата. Будучи самым видным человеком в цехе сапожников, многочисленном из варшавских цехов, Килинский мог оказать восстанию самую деятельную помощь; ксендз Мейер свел его с офицерами-заговорщиками, но первое братское целование с ним дорого стоило Килинскому».

Сапожника вызвали к генералу Игельструму, который обвинил его в связях с

Старший брат фаворита Екатерины II Николай Зубов отчаянно сражался в отряде Игельстрема, а потом был послан к императрице с сообщением об апрельских событиях. Через год состоялось его бракосочетание с дочерью легендарного генералиссимуса Суворова.

Nikolai Zubov, the elder brother of Catherine II's favourite, fought with reckless courage in Igelström's detachment before being dispatched to the Empress with news of the April events. A year later he married the daughter of the legendary Generalissimo Suvorov.

Суворов отдал приказ о штурме предместья Варшавы Праги на рассвете 4 ноября 1794 года.

Справа. «Пражская резня». С рисунка Александра Орловского. Конец XVII века.

Suvorov gave orders for the storming of Praga, the suburb of Warsaw, at dawn on 4 November 1794.

Right. The Praga Massacre. From a drawing by Aleksander Orlovski. End of the eighteenth century.

A LONG-STANDING QUARREL

In June 1831, when Russian troops were suppressing an uprising in Poland, Alexander Pushkin wrote on the burning issue of the day his poem *To those who slander Russia*, about which another poet, Piotr Viazemsky, disparagingly observed “A master behaves very well when he gives orders to have a serf flogged, but this is no place for poetry.” In his poem Pushkin showed the Poles greater respect, insisting that this was “a quarrel among the Slavs”, a “long-standing” one at that. One episode in this long quarrel involved the Polish shoemaker Jan Kilinski.

The Russian commander Alexander Suvorov has been called a crazed murderer by some Western historians. He was especially censured for instigating a “bloodbath” in the Warsaw suburb of Praga in 1794. It was indeed the second bloodiest storm in terms of numbers killed in his career (after Izmail). But for some reason the Generalissimo’s accusers ignore the fact that it was he who issued orders for the bridge between Praga and Warsaw to be burnt so that his enraged soldiers did not burst into the centre of the city.

Why did the soldiers of the Russian army behave so savagely? The explanation lies in events that took place in the spring of 1794. A Russian garrison commanded by General Igelstrom was quartered in the Polish capital at that time. Catherine II wanted to keep Poland under the rule of Stanislaw II Augustus Poniatowski, in order that the kingdom of Poland might act as a buffer between Russia, Prussia and Austria.

A FASHIONABLE SHOEMAKER

“In 1780,” the historian Sergei Solovyev wrote, “the shoemaker Jan Kilinski arrived in Warsaw from Poznan. Young and smart, handsome and eloquent, Kilinski soon became very well-known among the ladies of Warsaw, establishing himself as a fashionable shoemaker, bought two masonry houses and became a member of the city council. As the most prominent member of the shoemakers’ guild, one of the most numerous in Warsaw, Kilinski was in a position to aid the uprising in the most effective manner: the priest Meyer brought him together with the officers in the conspiracy, but the first fraternal kiss with them cost Kilinski dear.”

Будущий герой Бородинского сражения Федор Уваров получил чин премьер-майора за то, что в течение тридцати шести часов храбро отбивал атаки восставших варшавян. Портрет работы Джорджа Доу.

Fiodor Uvarov, the future hero of Borodino, was awarded the rank of “premier-major” for valiantly resisting attacks from the Varsavian insurgents for 36 hours. Portrait by George Dawe.

Генерал-майору Федору Буксгевдену, назначенному после взятия Варшавы комендантом города, Суворов поручил и управление всей Польшей. Копия с оригинала Владимира Боровиковского. Конец XIX века.

Major General Fiodor Buxhoevden, appointed commandant of Warsaw after the capture of the city, was given control over the whole of Poland by Suvorov. Copy from the original by Vladimir Borovikovskiy. Late nineteenth century.

«Русские солдаты привыкли действовать в чистом поле, брать города; а теперь они были застигнуты мятежом в тесных улицах большого города, где на каждом шагу засада, где стреляют из окон домов», — написал о событиях в Варшаве историк Сергей Соловьев.

“Russian soldiers were accustomed to operating in the open countryside, to capturing cities; but now they were caught by a revolt in the confined streets of a city, where there were ambushes at every step, where they were shot at from the windows of the houses,” the historian Sergei Solovyev wrote of the events in Warsaw.

Ниже. Граф Осип (Оттон Генрих) Игельстром — генерал от инфантерии, посланник при шведском и польском дворах. Портрет работы Дмитрия Левицкого. 1790-е годы.

Below. Count Osip (Otto Heinrich) Igelström — infantry general, ambassador to the Swedish and Polish courts. Portrait by Dmitry Levitsky. 1790s.

заговорщиками. Килинский проделал древний как мир трюк: прикинулся деятельным помощником властей, который «всех мятежников задумал задержать в ратуше, а затем донести о них». Игельстром попался на эту удочку: попросил извинения у почтенного гражданина за неосновательные подозрения, даже велел принести вина. Ну а Килинский с торжеством вернулся домой и начал всеми силами привлекать к заговору знакомых ремесленников, но теперь действовал с осторожностью.

А дальше произошли события, причины которых Килинский в своих мемуарах описал крайне неубедительно. Поднять варшавских жителей на убийства «москалей» можно было только с помощью чудовищной лжи. Из «Записок» Килинского ясно, что среди варшавян распространяли слухи — в чем он принимал непосредственное участие, — что русские «решили прежде нас поработить, потом сжечь Варшаву от края до края и, наконец, чтобы поляки не имели чем защищаться, забрать весь наш арсенал». В доказательство башмачник привел весьма странный факт: будто бы кто-то обнаружил «шесть сундуков ножей, которые были приготовлены для нас». Последняя выдумка настолько нелепа, что публикатор его воспоминаний сделал к этим строчкам примечание: «Как это правдоподобно: вооруженные войска для чего-то запасаются еще и ножами!»

Ночь мясницких ножей

Ножи действительно были приготовлены, но не у русских. В ночь с 17 на 18 апреля русский гарнизон Варшавы был захвачен врасплох. Он был довольно многочисленным (около 8 тысяч), но расквартирован крайне неудачно: небольшими частями по всему городу. Нападения не ожидали. Начало резни и свою роль в ней описал сам Килинский. После того как он «успокоил» ножом офицера и погром пошел по всему городу, башмачник отправил против Игельстрома сапожников, а против отряда бригадира Бауера — мясников во главе со старшим мясником Сераковским. Тут ему пытался помешать капитан, которого, пишет Килинский, «я сейчас же убрал, чтобы он не вывел своей роты против нас... Жена моя увидела, как я убил его, тотчас упала на землю и обмерла... Бросился я также на казака... и так ударил его по загривку, что он уже больше мужчин и женщин своей пикой не клевал! Тут моя жена схватила меня за руки со словами: „Что ты делаешь? На то ли тебя наговаривали эти приятели, чтобы ты убивал? Вспомни только о наших детях!“» Слова жены возбудили в ее муже слепую злобу. Притворно согласившись на уговоры, башмачник привел ее домой и, пообещав никуда не выходить, запер на замок, а сам «сейчас же побежал к Игельструму — нельзя ли захватить его каким-либо способом?».

«Как ни честен характер этого человека, однако он так слаб и недалек новиден, что каждый мнимый патриот может склонить его ко всему, к чему угодно», — написал о Килинском его соратник Анджей Капостас.

“However honest that man may be by nature, he is so weak and short-sighted that every supposed patriot can talk him into anything at all,” Andrzej Kapostas wrote about his fellow-revolutionary Kilinski.

fact — someone had supposedly found six crates of knives “that had been prepared for us”. This last invention was so absurd that the publisher of his memoirs added a note at this point: “Very plausible: armed troops provide themselves with knives as well for some reason!”

THE NIGHT OF THE BUTCHERS' KNIVES

Knives had indeed been prepared, but not by the Russians. On the night of 17 April the Russian garrison in Warsaw was taken unawares. It was quite numerous (around 8,000 men), but quartered most unfortunately, in small units all over the city. They did not expect to be attacked. Kilinski described the start of the slaughter and his role in it. After he “quieted” the officer with a knife, the massacre spread across the city. The shoemaker sent cobblers against Igelstrom and against brigadier Bauer’s detachment butchers led by the senior butcher Serakowski. At this point a captain tried to interfere and, Kilinski wrote, “I immediately got rid [of him], so that he did not bring out his companies against us... My wife saw me killing him and immediately fell to the

The shoemaker was summoned to General Igelstrom, who accused him of having links with the conspirators. Kilinski performed a trick that is as old as the world: he pretended to be an eager supporter of the authorities, who had planned “to detain all the insurgents in the town hall and then report on them”. Igelstrom took the bait: he apologized to the venerable citizen for his unfounded suspicions and even had some wine brought in. Kilinski returned home triumphant and began inducting craftsmen he knew well into the conspiracy with redoubled efforts, but greater caution.

Then came the events the causes of which Kilinski described most unconvincingly in his memoirs. The people of Warsaw could have been roused to kill Russians only by a monstrous lie. From Kilinski’s writings it is clear that — with his own direct involvement — rumours were spread among the Varsovians that the Russians had decided “first to enslave us, then to burn Warsaw from end to end and finally, to deprive the Poles of the ability to defend themselves, to take away our arsenal” To bear out what he said, the shoemaker cited a very strange

«Станислав-Август Понятовский в шляпе с пером». Портрет работы Марчелло Баччарелли. 1780-е годы.
Below. Stanisław II Augustus Poniatowski in a Plumed Hat. Portrait by Marcello Bacciarelli. 1780s

91

Вверху. Восстание в Варшаве 17—18 апреля 1794 года. Рисунок Жан-Пьера Норблина де ла Гурдена.

В центре. Варшавяне придумали весьма оригинальный способ гражданской казни — «повешение» портретов предателей. С картины неизвестного польского художника. Конец XVIII века.

Above. The Uprising in Warsaw on 17—18 April 1794. Drawing by Jean-Pierre Norblin de la Gourdaine.

Centre. The Varsovians invented a highly original method of publicly shaming traitors — by hanging out their portraits. From a painting by an unknown Polish artist. End of the eighteenth century.

На созданном неизвестным художником единственном прижизненном портрете башмачник-патриот не так симпатичен, как на более поздних изображениях.

The only portrait of the patriot-shoemaker painted in his lifetime (by an unknown artist) shows him to be less attractive than in later depictions.

Начальник русского гарнизона оказался заперт в своем доме в самом центре Варшавы. С ним была лишь небольшая группа офицеров, в том числе граф Николай Зубов, старший брат последнего фаворита Екатерины II. Дом осаждали со всех сторон, положение становилось все более отчаянным. К русскому главнокомандующему тем временем прислал парламентеров король Станислав-Август Понятовский, приглашая Игельстрома под защитой охраны приехать к нему для переговоров. Однако друзья не позволили старому генералу ехать самому, вместо него отправили его племянника. Молодого Игельстрома тут же на улице растерзала толпа. Предводительствовал этой подлостью героический сапожник — неизвестно, поскольку об этом примечательном эпизоде в своих воспоминаниях он благоразумно умолчал. Один из посланников короля пытался защитить парламентаря и был серьезно ранен, второй не вмешался в расправу, поэтому не пострадал.

В этой ситуации у русских был последний выбор — сдаться или отчаянно пробиваться сквозь вооруженные толпы через весь город. После захвата и разграбления арсенала (который якобы собирались захватить русские) у отрядов Килинского появились не только ружья, но даже пушки. Отказавшись от дальнейших переговоров, русские решили сражаться.

ground in a faint... I also fell upon a Cosack... and struck him so hard on the back of the neck that he picked up no more men or women with his pike! At that my wife grabbed my hands, saying, ‘What are you doing? Is this what those friends have talked you into — killing? Just remember our children!’” The wife’s words moved the husband to a blind fury: the shoemaker took her home and, after promising not to go anywhere, locked her in, while he himself “immediately ran towards Igelstrom to see if there was some way of capturing him”.

The head of the Russian garrison found himself shut up in his house in the very centre of Warsaw. With him he had only a small group of officers, including Count Nikolai Zubov, the elder brother of Catherine II’s last favourite. The house was besieged from all sides and the situation was growing increasingly hopeless.

Under the circumstances the Russians had a stark choice — either surrender or make a desperate attempt to fight their way across the whole city through armed mobs. After the capture and plundering of the arsenal (which the Russians allegedly intend-

Каким-то чудом группе удалось пробиться к окраинам Варшавы, где их приняли прусские и русские отряды.

О том, что случилось с остальными, красноречиво повествуется в мемуарах Килинского. Безоружных солдат брали в плен, а офицеров, которые не хотели «просить прощенья», перебили на месте. Польский историк Владислав Грабеньский кратко сообщил об этих событиях: «Русские сдались, Игельстром бежал, оставив кассу и архив посольства... 18 апреля в Варшаве уже не было русских, за исключением 1500 пленников и 2000 трупов».

Надоедливый «полковник»

Для управления восставшим городом избрали комитет, куда вошел и Килинский. Он уже называл себя вождем народа и «именем всего варшавского мещанства» предъявлял свои требования, которые начали раздражать других руководителей восстания. В конце мая был создан новый совет, но Килинскому в нем места уже не нашлось: его сделали полковником и отправили к войску.

Впоследствии соратники отзывались о знаменитом сапожнике без всякого энтузиазма. Анджей Капостас, член второго совета, писал: «Килинский обещал в случае возмущения выставить тотчас в разных местах многие партии мещан на помощь войску. Но он... выполнил это

Вверху. «Ян Килинский ведет русских пленных по улицам Варшавы». С картины Войцеха Коссака.

Ниже. «Император Павел I возвращает Тадеушу Костюшко саблю и манифест об освобождении его и поляков, взятых вместе с ним в плен». Гравюра пунктиром с рисунка Александра Орловского. 1801 год.

Above. Jan Kilinski leading Russian prisoners along a Warsaw street. From the painting by Wojciech Kossak.

Below. Emperor Paul I returning Kosciuszko's sword and giving him a decree freeing him and the Poles captured with him. Stipple print after a drawing by Aleksander Orlovski. 1801.

ed to seize) Kilinski's men had not only guns, but even cannon. Rejecting further negotiations, the Russians elected to fight. By some miracle the group managed to break through to the outskirts of Warsaw, where they were met by Prussian and Russian detachments.

What happened to the rest is eloquently described in Kilinski's memoirs. Unarmed soldiers were taken prisoner, but officers who refused to "beg pardon" were dispatched on the spot. The Polish historian Wladyslaw Grabienski briefly summarised these events: "The Russians surrendered, Igelstrom fled, leaving the treasury and the embassy archives... On 18 April there were no longer any Russians in Warsaw, besides 1,500 prisoners and 2,000 corpses."

THE TIRESOME "COLONEL"

A committee including Kilinski was elected to govern the rebel city. He was already calling himself the leader of the people and "in the name of all the lower middle class of Warsaw" put forward demands that began to irritate the other leaders of the uprising. Late in May a new council was formed, in

which no place was found for Kilinski: he was made a colonel and sent off to the army.

Later on, fellow rebels would recall the famous shoemaker without any enthusiasm. Andrzej Kapostas, a member of the second council, wrote: "Kilinski promised that in the event of disturbances he would immediately bring out many groups of the petty bourgeois in different places to aid the troops. But he... carried this out very poorly or, to be exact, did not carry it out at all, and if the common people had not joined the troops of their own accord, they would have perished precisely as a result of Kilinski fail-

10 октября 1794 года под Мацевицами отряд Костюшко был разбит, а сам он, раненный, был взят в плен и отправлен в Россию. В 1796 году он вместе с другими пленными поляками был освобожден Павлом I, который ему симпатизировал и даже предлагал высокий пост в своей армии.

On 10 October 1794 Kosciuszko's force was at Maciejowice. He himself was wounded, captured and dispatched to Russia. In 1796 he and other captured Poles was released by Paul I, who took a liking to him and even offered him a senior post in his own army.

Тадеуш Костюшко учился инженерному искусству в Германии, Италии и Франции. В 1775—1783 годах он участвовал в войне за независимость Северной Америки, был главным инженером революционной армии. Возглавил Польское восстание 1794 года.

Tadeusz Kosciuszko (Thaddeus Kosciuszko) studied engineering in Germany, Italy and France. In 1775—83 he fought in the American War of Independence and was the chief engineer in the American Revolutionary Army. He led the Polish uprising of 1794.

Юлиан Урсин Немцевич — польский поэт и писатель, основатель первой в Польше политической газеты. Вместе с Костюшко он провел два года в Петропавловской крепости. Именно по его совету башмачник Килинский взялся за перо.

Julian Ursyn Nienciewicz, a Polish poet and writer, the founder of his country's first political newspaper. He spent two years in the Peter and Paul Fortress together with Kosciuszko. It was on his advice that Kilinski took up the pen.

очень дурно или, лучше сказать, ничего не выполнил, и если б чернь не присоединилась к войскам вскоре сама собою, то они бы погибли именно вследствие неисполнения Килинским своего обещания. Даже многие сказывали мне, что не понимают, почему Килинскому приписывают так много важного, тогда как никто не знает за ним ни одного поступка, достойного таких похвал, какие ему расточают».

Из войска он был послан «делать революцию» в свой родной город Познань, в чем, к счастью, не преуспел, поскольку вскоре пришли вести о взятии Суворовым Варшавы.

В тюрьме всяк тягу к сочинительству имеет

Вскоре он был схвачен казаками генерала Адриана Денисова, сумел бежать, но попал в крепкие прусские объятия. В воспоминаниях Килинский горько сетовал на притеснения и насмешки прусских офицеров, которые везли его к русским и предсказывали: «В Москве вы оба вместе с Костюшко будете повешены».

Вопреки всем ожиданиям комендант Варшавы генерал Федор Буксгевден освободил узника, с условием, что он не займет прежнюю должность в городском магистрате, а станет «заниматься своим ремеслом». Поразительно, что это решение вызвало у тщеславного Килинского бур-

ing to keep his promise. Many have even said to me that they do not understand why Kilinski has been attributed such an important role, when no one knows of him performing a single deed worthy of the praises that are lavished upon him."

CAPTIVITY ENCOURAGES LITERARY ENDEAVOUR

Kilinski was soon captured by General Adrian Denisov's Cossacks. He managed to escape, but fell into the strong embrace of the Prussians. In his memoirs Kilinski complained bitterly of the oppression and mockery of the Prussian officers who took him to the Russians and predicted that in Moscow both he and Kosciuszko would be hanged. Contrary to all expectations, General Fiodor Buxhoevden freed the prisoner on condition that he would not occupy his former post in the city council, but "engage in his trade". Amazingly this decision evoked tempestuous despair in the vain Kilinski: "For me this punishment was too disgraceful, because I was debarred like some rogue from public office, despite the fact that I was in no way discredited, but only rose up in defence of my homeland. If that is to be con-

ное отчаяние: «Для меня это наказание было чересчур позорно, ибо меня, как какого-нибудь плута, отдалили от управления, несмотря на то что я не был ничем опорочен, но лишь встал на защиту своей родины, а если это считать пороком, то надо было карать всех патриотов... Но что же было делать? Надо было покориться».

В декабре 1794 года сапожника снова арестовали и отправили для дознания в Петербург, где он на допросах уверял, что московские войска предполагалось не перебивать, а обезоружить и взять в плен, что генералу Игельstromу и русским солдатам обещали полную неприкосновенность, но он «никоим образом сдаться не хотел». С поразительной наивностью эти уверения соседствуют в мемуарах с откровенным повествованием о подлинных событиях апрельской резни.

Именно в заточении Килинский вдруг почувствовал тягу к сочинительству — из-под его пера начали появляться стихи, а позже он засел за мемуары.

«Лютыми москалями» новоявленный литератор был помилован. Он вернулся в Варшаву, где благополучно прожил до 1819 года, владея двумя каменными домами на улице Широкий Дунай, и вырастил семерых детей от двух жен. Потомки почему-то стыдились ремесла своего предка и называли его не «сапожником», а «полковником». ■

sidered a vice, then all patriots should be punished... But what could I do? I had to submit."

In December 1794 the shoemaker was re-arrested and sent to St Petersburg for further investigation. During interrogation he insisted that the plan was not to slaughter the Muscovite troops, but to disarm and capture them; that General Igelstrom and the Russian soldiers had been promised complete personal safety, but "he was totally unwilling to surrender". In a display of staggering naivety these assertions appear in his memoirs alongside a frank account of the true events of the April bloodbath.

It was in captivity that Kilinski felt a sudden urge towards literary endeavour — he began to pen verses and later sat down to write his memoirs. The "cruel Muscovites" pardoned the novice man of letters. He returned to Warsaw, where he lived securely until 1819, enjoying his two masonry houses and bringing up his seven children from two wives. His descendants were for some reason ashamed of their ancestor's trade and called him not "shoemaker", but "colonel". ■